

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Бородкин

ВСЁ ЭТО ПРО ЛЮБОВЬ

Алексей Бородкин
Всё это про любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородкин А. П.

Всё это про любовь / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Необычайная история из провинциальной жизни. В небольшом городе случается преступление – изнасилована девушка. Чтобы разобраться, приезжает журналистка. Она обнаруживает вопиющие вещи. Оказывается, что преступник известен правоохранительным органам – первое. Он не задержан – второе. Более того, насильник Плотников продолжает жить и работать в обычном режиме. Четвёртое: большинство жителей не хотят, чтобы Плотникова судили. Дабы разобраться в хитросплетениях, журналистке предстоит выяснить все детали, переговорить со всеми фигурантами. В какой-то момент возникает вопрос: "А было ли насилие?" Ответ – в повести. Содержит нецензурную брань.

Понедельник начинается в субботу. Это у Стругацких. У меня понедельник начинается в понедельник. В девять утра. Если точнее – в девять пятнадцать. В это время в кабинет входит шеф. Помятый и недовольный. Пожеванный, но не проглоченный. Выплюнутый.

"Не пил, не курил, всю ночь спал в своей собственной постели, – шутит один юморист, описывая третью мужскую "молодость". – При этом выглядишь, будто всю ночь веселился, пил и безобразничал с молоденькими кокотками".

Шеф бросает на стол пятничный номер. Обводит коллег мудрым (так ему кажется) взором.

– О чём думаешь, Фролова?

Это он мне.

О чём я думаю? Думаю о том, что в моей квартире идёт ремонт. Работают два чудесных парня. Они северные корейцы. Да-да, самые настоящие корейцы. И очень даже северные. Одного зовут Май (приемлемая форма от Мун-Как-то-Там), второго – Июнь (производная от Юнь-Плюс-Ещё-Что-то).

Удобно: Май-Июнь.

В моей квартире уже полгода весна. И немножко лета.

Мастера они замечательные, квалифицированные, рукастые, однако считают меня душой. Почему-то. Притом душой набитой. Я не возражаю (хоть горшком назови, только в печку не ставь). Кто из нас глупее – время покажет. Меня тоже не на помойке нашли, уверяю. За себя постоять я умею. Мне за другое обидно. Как они умудрились уместить мою душу и характер в сто (с небольшим) русских слов? Это словарный запас корейцев. На двоих...

Все цифры Май-Июнь умножают на поправочный коэффициент. Стоимость работ завышают, цену материалов удваивают. Мне приходится обзванивать фирмы, бегать по магазинам, общаться с прорабами-славянами. Уточнять интимные секреты отделки и строительства. Метаться по городу в поисках колера для краски и латексной финишной шпаклёвки без усадки.

Притом "цифровой терроризм" возникает вовсе не из-за желания ограбить меня. Работает "Эффект восточного базара" (так я его называю).

Представьте, позднее лето, жара; вы зашли после обеда на рынок... зашли, между прочим (вообще-то не собирались). Увидели красивые персики (абрикосы, томаты, кинзу – не суть). Вам захотелось купить. Вы лениво и безразлично (как матёрый охотник) интересуетесь ценой: "Почём ваши красавцы?" Получаете ответ. Ответ вас категорически не устраивает и вы (намёками и порывистыми жестами) даёте это понять... Завязывается беседа. Общение. Торговцу (пожилому грузину) надоело стоять за прилавком. Ему хочется в горы, жарить шашлык-машлык, пить вино, спеть с приятелем песню... На худой конец, поговорить с живым человеком (тем более, если он красивая молодая женщина). Поэтому торговец задрал цену. Логика проста: назови приемлемую цифру – купит и уйдёт. А поговорить?

Корейцам хочется общения. Человеческих эмоций.

Поэтому я бегаю по строительным ярмаркам.

И не говорите, что шопиться для женщины наслаждение. Я вынуждена быть в курсе строительных тонкостей – это занимает всё свободное время.

Уволить Мая, прогнать Июня? А где гарантия, что другие будут лучше? Вдруг Август получится холодным, а в Сентябре задождит?

К тому же, к своим я привыкла. Май высокий, худой и вдумчивый. У него глаза старого корейского еврея. Июнь балагур. У него не бывает пасмурных дней. Он их возвращает судьбе, как Газманов. Если не берут – вталкивает силой.

Такое у меня складывается впечатление.

В понедельник, после строительных Дебатов Выходного Дня, ноги приносят меня на работу. Я смотрю в зеркало и задаю отражению наводящие вопросы: Кто ты, молодая красивая? Где ты теперь? Зачем ты здесь?

– У нас планёрка, – напоминает шеф. Говорит с лёгким отеческим сарказмом, у него доброе настроение. – А ты в облаках витаешь.

– Никак нет! – отвечаю бодро, по-солдатски. – О ваших глазах мечтаю, Иван Андреевич. Очень они замечательные.

Шеф поправляет галстук и розовеет на один тон. Потом ещё на один. Как всякий руководитель он любит лесть. Я думаю, люди стремятся вверх по служебной лестнице, чтобы слышать больше лести. Лесть – эмоциональный наркотик.

– Это хорошо, Фролова. Умеешь красоту оценить, – отреагировал шеф.

Ответ нетипичный, я насторожилась (хотя и виду не подала).

– Посему для тебя особое задание, – продолжил Иван Андреевич.

За глаза шефа зовут, "Шпрехин зи дейч, Иван Адрейч". В школе он учил немецкий (присутствует такое мнение). Зачем я это сказала? Не знаю. Штрих к портрету.

– Командировка в Илавецк. Там че-пэ.

– Какого плана че, и про что пэ? – уточнила я.

Он выдержал паузу, проговорил:

– Насилие над женщиной.

Шеф любит крепкие выражения, умеет припечатать одним кратким словом и матюгнуться в три этажа. Притом комбинирует обороты виртуозно, с поэтическим разнообразием. Плюс, умеет любое слово сделать нецензурным (это талант), даже самое благостное. Однажды (на спор) он трансформировал слово "бытие" в шесть глубоко отрицательных...

Впрочем, я уклоняюсь.

Шеф не сказал "изнасилование", смягчил. Завернул грубую суть в обёртку слов.

– У нас есть криминальная колонка, – я посмотрела на Пашку Крутикова, – пусть она разбирается.

– Дело не в криминале, – шеф налил из графина воды, выпил. – Криминала нам своего хватает. Там нужно разобраться. Вникнуть. Вгрызться. Городок микроскопический, и вдруг такое... безобразие.

Мелькнуло подозрение, что шеф родом из тех мест. "Вероятно... хотя нет, он питерский".

– У меня две статьи в работе и финансовое расследование! – сказала я.

Надежда "отмахаться" от командировки таяла на глазах. Пришлось пустить в ход резерв. Честно говоря, расследование вела налоговая инспекция, моя задача была подхватить материал, в случае непредвиденных обстоятельств. Припугнуть мошенников оглаской.

– Не страшно... – Шеф смотрел сквозь окно, сквозь ветви рябин и крышу соседнего дома. Далеко-далеко. В свою юность. – Справишься. Я тебя знаю.

"Он меня знает! – впору всплеснуть руками. – Я сама-то себя не знаю, а он – знает! Все вокруг знают меня лучше меня самой... фу, какая куца фраза!"

Опять вспомнились Май-Июнь с их лингвистически-компактным психоанализом.

"Сговорились они, что ли? Или я взаправду... излишне доверчива и немножко наивна?"

Печально склонив голову (и смирившись с командировкой), я подумала, что... "вот я уеду... весна продолжится... и потолки выльются в круглую сумму..." Я собиралась отделать потолки особой штукатуркой, под камень.

Бывают ситуации, когда камень становится жидким.

Шесть часов на поезде плюс сорок минут на автобусе.

Здравствуй, Илавецк!
Маленький город в самом центре Евразии.

Я вышла из автобуса, огляделась. Пыль и солнце – больше ничего. Как в пустыне. Опустила на глаза очки – из белизны (словно на фотобумаге) проявилась автобусная станция голубенького цвета (ультрамарин разбавленный один к двадцати титановыми белилами). Перед станцией – забор, длинная скамейка, початая консервная банка с частичковыми рыбками. Дальше берёза, понурившая голову. Киоск Союзпечати. Отдельно, но рядом со всеми – рослая улыбчивая тётка. Она торговала газированной водой.

Промчался мотоцикл, ему вслед лениво протрусили собаки – какое-никакое развлечение.

Я подошла к тётке, спросила, как найти отделение милиции. Продавщица оглядела меня с ног до головы (глазки маленькие, круглые, цвета переспелой вишни), оценила по десятибалльной шкале и только потом подняла могучую руку:

– Там!

Три буквы. Ни больше, ни меньше.

Или я очень ей понравилась, или категорически разочаровала.

"Однако и на том спасибо, добрый Командор! – подумала я. – Ну что ж, ведь ты при шпаге... как там у Пушкина?"

Чтобы подтвердить свою благодарность, я купила стакан воды, с клубничным сиропом.

Каштаны только-только отцвели. Ещё виднелись кое-где увядшие свечки, на других ветках завязались маленькие зелёные ёжики (мята 221 разбавленная пополам). Я медленно брела и размышляла – настраивала себя на материал.

Тихий провинциальный городок, все друг друга знают... хотя при чём тут размеры и тишина? Разве важно, сколько в городе жителей?

Всякое насилие – зло. Когда хулиганы просят закурить, а потом долго бьют – это одно. Строго говоря, это равносильно, что вас покусала собака. Вы же не станете обижаться на собаку? Она злая, потому кусается. Хулиган – хулиган. Потому он дерётся. Его необходимо наказывать, изолировать от общества, но обижаться нет смысла.

Другое дело – изнасилование. Когда человеку ломают волю... всё равно, что сломать хребет. Личность исчезает, рассыпается. Остаётся тряпичная кукла. Как потом жить без хребта?

Я представляла себе, как ЭТО происходило.

Он ударил её, завернул руки за спину... быть может, связал или придушил, чтобы потеряла сознание и не сопротивлялась. Или ещё хуже: приставил к горлу нож, чтобы, наоборот, всё видела и всё чувствовала. Хотел унижить физически и растоптать морально.

"Подонок. Так может поступить только подонок".

Появилось название для статьи: "Падший человек". Выразительное словосочетание. В нём есть осуждение, есть развитие. Точнее деградация личности. Есть история.

Собственно, эту историю мне и нужно было описать. Историю падения.

*

Отделение милиции очень напоминало детский садик. Нет, правда, я так и подумала в первую секунду. Присутствовало всё, что необходимо добротному детскому питомнику:

Заборчик из сетки-рабица – чтобы детишки не разбежались, дворик с престарелыми берёзами, четыре лавочки в квадрат (выкрашенные чем-то пёстрым). Посередине стол. Рядом клумба с отцветающими тюльпанами. На клумбе грибочки – надетые на пеньки тапки красного и желтого цвета.

На лавочке сидел старшина. Пригорюнился. Если бы не он, я бы проскользнула мимо. Старшина в детском садике – чуждый элемент, он привлёк внимание. Потом заметила флаг над входной дверью, золотую табличку, герб. Государственное учреждение.

– Здравствуйте! – поздоровалась.

Старшина сделал под козырёк, поднялся. Я показала удостоверение, спросила, как мне найти следователя. Старшина махнул рукой на входную дверь:

– По коридору налево. Не промахнётесь.

Вот и все формальности, изумилась я. "Не промахнётесь". К нам в редакцию проникнуть сложнее, у нас вьедливые вахтёрши. Не от злости, конечно, от страсти к общению... А быть может и от любви к своему делу. Любовь она бывает разная.

Как говорит мой сосед с красивой фамилией Колюбай: "Кто-то любит симфонии Моцарта и "Риголетто" Джузеппе Верди, а кому-то подавай вишнёвое варенье без косточек". На вопрос, почему именно без косточек, Колюбай задирает десну и показывает щербину. "Зуб сломал", – поясняет.

Коридор затопили сумерки. Лампы зажечь не потрудились. Я кралась, придерживаясь за крашеную стену. На секунду мелькнула мысль о лабиринте... где-нибудь в египетской гробнице.

Четвёртая по очереди дверь была открыта настежь. Я подошла, остановилась в проёме. Без малейшего звука. Глупо стучать, когда дверь распахнута.

За столом сидел мужчина, в синей (ожидаемо) рубашке. Пиджак висел на спинке стула. Мужчина что-то писал, очень старался. Вёл авторучку решительно и плавно, словно правил парусной шаландой... по бумажному листу.

Он склонил голову, и я видела лысеющую макушку, пробор, свежую стрижку и незагорелую кожу под срезанным волосом.

Резко кашлянула.

Мужчина поднял глаза.

Кабы подобную "шуточку" проделали со мной, я бы подпрыгнула на стуле от испуга. Долго бы верещала, напоминая потревоженную ящерицу (зелёными пятнами – напоминая – на лице, длинным злым языком и круглыми вытаращенными глазами).

Он даже не удивился:

– Вы ко мне?

Я представилась, навала газету и показала удостоверение. Следователь долго рассматривал фотографию, глаз не поднимал, точно стесняясь взглянуть на оригинал.

Эти секунды я использовала с пользой. Осмотрелась.

Кабинет, как кабинет. Типовой. Правильнее сказать, казённый. Высокий до потолка шкаф с провисшей дверцей. Умывальник в углу (чувствуется – роскошь, ибо начищен до блеска и мылом располагает). Лампа в тесном абажуре коричневого цвета.

На тумбочке у окна – горшок с цветком. Нечто похожее на драцену или на маленькую финиковую пальму. Цветок часто и надолго забывали (все листья усохли и лежали на земле), потом вспоминали и начинали отпаивать водой. Сейчас была именно такая "весна", на макушке появилась зелёная поросль.

Я подумала, что подобная модель поведения типична для человеческих существ: мы часто забываем про друзей... а они забывают про нас. "С ним всё хорошо", – вот пароль, который оправдывает чёрствость.

Потом спохватываемся, охаем, хватаемся за голову, орём в телефонную трубку: "Лечу! Жди меня! Сто лет не виделись, подруга!" Покупаем торт или коробку с пирожными, и мчимся через все "пробки" центра...

Главное не опоздать с раскаяньем, а то придётся покупать две гвоздики вместо торта и плестись за город. Медленно, хотя и без "пробок".

"Цветок, судя по всему, приспособился, – решила я. – Привык к особому "режиму". У растений чаще бывает весна... вёсны для них привычное дело. Это люди шалют от радости после долгой разлуки".

И ещё подумала, что "Цветок особого режима" – хорошее название. Нужно запомнить.

Прерывая мою задумчивость, следователь спрашивает:

– Чего вы хотите?

Стремительно отвечаю:

– Хочу на синее море, лежать на горячем песке и пить пина коладу.

– Что это?

– Понятия не имею.

– Как это?

– Название красивое.

– Зачем же вы её хотите? – искренно удивляется следователь. Бровки вздымаются домиком.

– Есть мнение, что это коктейль... Вкусный...

Шутка не прошла – это очевидно, – и нужно вернуться на исходную позицию, в точку, где всё доступно для понимания:

– Давайте начнём сначала. Я журналист. Приехала по заданию редакции. У вас произошло изнасилование. Мне необходимо, – акцент плюс пауза, – написать об этом статью.

– Пишите, – простецки соглашается он.

Подвигает мне ручку и бумагу.

"О-о-о!" – Смотрю недоумённо: "Разыгрывает? Или вправду дурак? Емелюшка-дурачок. Щука... прорубь... туда-сюда... но где печь?"

Печи в комнате не было. Только умывальник.

– Мне нужны материалы.

– Понимаю... хотите ознакомиться... понимаю...

За левой створкой шкафа расположился сейф (академический, из листового металла, с подвижной "висючкой" над скважиной). Из сейфа следователь выудил папку на тряпичных завязках, сунул мне: "Здесь всё. Можете прочесть".

В моём животе зародилась злость. Маленький агрессивный лепесток. Что-то (вернее, всё!) в этом разговоре шло не так, как я хотела. И следователь Емеля вёл себя нетипично.

Папку я накрыла ладонью, произнесла:

– Материалы прочту. Обязательно. Однако будет лучше и быстрее, если вы введёте меня в курс дела своими словами.

Емеля оказался не такой уж Емеля. Понял, что от меня не отделаться, пошел поставить чайник. Развернул бумажный пакет, вынул бутерброды, яблоко и несколько печенюшек. Печеньки потрескались и покрыли яблоко бархатной нежной крошкой.

"Решил пообедать, чтобы время зря не пропадало, – сообщила я. – Практичный. Точно не дурак".

Следователь проговорил:

– Рассказывать особо нечего. Молодые...

Он произнёс это слово, как оправданье. Точно бы заступаясь. Я подумала, что возраст, как раз, отягчающее обстоятельство. У молодого преступника вся жизнь впереди, а значит, он может натворить много бед в будущем. Это обстоятельство необходимо учитывать.

– Выходные были, – продолжил следователь. – Поехали на речку. Выпили, закусили... Быть может плохо закусили или лишку выпили. Полезли купаться. Разделись. Юные красивые тела, жаркий вечер... Тут до греха – рукой подать.

Жестом он предложил мне бутерброд, я взяла яблоко. Вытерла платком. Хрустнула.

Постучала карандашиком:

– Так-так...

Следователь вопросительно скопился.

– Для начала, давайте познакомимся. Как меня зовут, вы знаете. А ваше имя-отчество?

– Рудня Олег Сергеевич.

– По званию?

– Это зачем? Допустим капитан.

Я так и записала в блокноте: "Допустим-капитан".

– Как фамилия насильника?

– В протоколе всё написано. – Следователь говорил сухо, уперевшись взглядом в столешницу: – Потерпевшая Светлана Насонова. Двадцать четыре года. Незамужняя. Подозреваемый Плотников Александр Фёдорович. Тридцать восемь лет, разведён. Детей нет. Что-то ещё?

"Ещё? – мысленно повторила я. – Ещё много чего!"

Попросила:

– Одну минуту. Я запишу.

От окна к двери прожужжала муха. У парадного остановилась машина (скрипнули тормоза). Где-то за стеной звякнула о тарелку ложка.

Следователь Рудня (наконец-то!) посмотрел мне в глаза. Прямо. Открыто. Зрачки в зрачки.

"Ничерта ты не понимаешь, девочка!" – прочла я в его зеницах снисходительное "послание".

Прочла и обиделась: "Неправда ваша, товарищ допустим-капитан! Кое-что я понимаю лучше тебя, Емеля Сергеевич Рудня!"

Нужно было поставить его на место. Зарвался, провинциальный следователь.

– Как мне поговорить с подозреваемым Плотниковым? – тон ледяной, взгляд колючий. – Он в камере предварительного заключения? Выпишите пропуск.

– Почему в камере? Зачем такие крайности?

Рудня оторвал от настольного календаря листок, что-то на нём написал. Протянул мне: – Вот адрес. Только сейчас он... – следователь посмотрел на часы, – ...сейчас он занят. Сегодня вообще-то неприёмный день. Вы неудачно зашли.

Сева Усольцев (редакционный хохмач, отец шестерых мальчишек и дважды дед Советского Союза) говорит в таких случаях "Оп-па!" Приседает и хлопает над головой в ладоши, демонстрируя крайнюю степень удивления.

"Что здесь, чёрт возьми, происходит? При чём здесь неприёмный день? Кого Плотников собирается принимать? Или это он записался?" – вопросы грудились и напоздали друг на друга, напоминая льдины в ледоход.

Сохраняя на лице высокомерную мину, я выбралась на улицу. Выбралась, надо сказать, несколько ошарашенная. Вздохнула полной грудью.

Солнце стояло в беспощадном зените, мелькнула сорока, небеса казались выстиранными с отбеливателем.

"Какое небо голубое, – напевал хрипатым шепотом репродуктор. Обещал: – мы не сторонники разбоя..."

Приблизился старшина, нейтрально осведомился, как дела. Я ответила, что всё в норме. Не страшно улыбнулась. Старшина смутился, потоптался на месте (перевалился с ноги на ногу, точно свежеподкованный конь). Попросил на него не давить.

Чувства мои были далеки от порядка, и я переспросила:

– Что?

- Не давите, – повторил старшина.
- На кого?
- На Рудню.
- На какую?.. В смысле, почему?
- Беда у него.

Милиционер сконфузился ещё сильнее и отошел. Я почувствовала, что теряю ориентацию в пространстве и времени, медленно досчитала до двадцати. Это помогло.

Если "подбить бабки" получается вот что: девушку изнасиловал некто Плотников – раз. Насильник на свободе – два. У него какой-то приём – три, а меня просят не давить на следствие – четыре.

"Или я сошла с ума, или в славном городе Илавецке так принято?"

Пошла по улице, мечтая о порции шоколадного суфле. Не для того, чтобы полакомиться, но в терапевтических целях. Этот продукт питания неплохо восстанавливает мои моральные силы.

Искать такси было бесполезно (не формат провинциального города), автобусных маршрутов я не знала. Пришлось "остановить" велосипедиста – пацана лет десяти, – и спросить у него направление:

– Где находится ближайшая гостиница, мальчик? Любая...

Хотелось принять душ, переодеться и приготовиться к бою. Первый раунд я (к своему удивлению) проиграла, но это не повод сдаваться.

Мальчуган плюнул на колесо и радостно выпалил:

– А она у нас одна, тётенька!

Хам! Это я – тётенька?! В своём родном городе я бы обиделась на такое обращение, но в здесь обижаться было бесполезно (поняла это со всей очевидностью), и потому пропустила "тётеньку" мимо ушей.

– О'кей, Вождь Краснокожих! Показывай направление!

– Вон там! – он махнул рукой. – На набережной.

– Благодарю тебя, Монтесума.

В мою словесную игру мальчишка не вступил, он думал о чём-то, разглядывая мои туфли.

– А хотите я вас провожу? – разразился идеей. – Мне не трудно, тётенька. А вы мне – морожина.

Опять это отвратительное слово!

– Вот ещё! Сама справлюсь.

Мальчишка пригорюнился, но всё одно поехал следом. Получился своеобразный эскорт. Он перекрикивался со знакомыми, останавливался, трепался со сверстниками, врал, что провожает знакомую тётеньку "до гостиницы", обгонял меня, возвращался, вертелся под ногами. Пришлось дать денег на эскимо. Просто, чтоб отвязался.

Вымогатель!

Речушку Илу (давшую название городу) перегораживала плотина. Посредине был устроен шлюз: откосы из тесаного камня, огромная чёрная плита в пазах-направляющих. Над плитой чугунный винт с колесом (на самом верху). Сооружение холодное, равнодушное, монументальное и основательное одновременно. По краям колеса – литые орехи и дубовые чугунные листья. Надпись, утопавшая в слоях краски: "Сей механизм изготовлен при посредстве Невьяновского чугунолитейного завода. Литейный мастер Илья Долгопрудный. Год 1837".

"Красиво!" – изумилась я. – На века работали мастера. Потому старались, делали красиво. Орешки отливали, вензеля резали, заботились".

По нынешним временам глупо что-либо делать на века, слишком быстро меняется время. Одна технология сменяет другую, тиражные производства вытеснили ручной труд. Вещи обезличились, словно яйца в инкубаторе. Однажды я делала статью о птицеферме. Наши привезли итальянскую технологию. Плюс их мастера-технолога. Мастер был родом из южных областей Италии, из Калабрии. Тёмный и порывистый, как смертный грех. Красиво горячился, размахивал руками.

Я надела стерильный халат, на голову колпак. Вошла в инкубатор (отдельное стерильное помещение). Показалось, что попала на космический корабль... или в светлое будущее. Тысячи ровных бесконечных рядов медленно поворачивающихся яиц... удивительное зрелище. Серийное производство в его высшей, пиковой степени. Серийные куры, серийные люди.

Если вдуматься, теперь нужно хоронить людей, как фараонов, вместе с покойником отправлять в могилу старые вещи. Кому они нужны? Детям? Внукам?

Никому.

Мост плавно переходил в набережную, изгибался. Через две сотни шагов каменный парапет саморастворялся в естественном песчаном откосе, оставалась только чугунная ограда и намёк на мостовую. Вскорости и эти излишества прекращались. Дальше вдоль берега бежала песчаная дорожка, кустики травы, цветы чабреца, лилии. Кое-где виднелись ивы: девы-русалки опускали в воду свои ветви-волосы. У одной такой ивы притулился человек. Рыбак.

Меня удивило его одеяние: пиджак и брюки со стрелками (уже подозрительно). Я пошарила взглядом по ближайшим кустам, надеясь увидеть бутылку "червивки" – обычной спутницы рыбака. Не нашла.

На голове мужчины лежала шляпа-канотье (ещё более подозрительная, чем стрелки на брюках). Сбоку (в двух шагах) сидела кошка. Не просто сидела – соучаствовала. Она не отрываясь, смотрела на поплавок, переживала. Только изредка перебрасывала хвостом вправо-влево.

Я подошла ближе... в этот момент поплавок ушел под воду.

Рыбак отреагировал с секундным опозданием, рванул удилище вбок, затем вытянул из воды леску – на крючке трепыхалась рыбка.

– Пескарик, – прокомментировал, обращаясь в пространство.

У него были (у рыбака, не у рыбки) большие, ясные глаза. Чуть удивлённые, красивого зелёного оттенка. Он будто не ожидал, что здесь можно что-то поймать... ан, вот поймал. Редкая удача.

Позже я поняла, что Эдуард Ляликович (так звали рыбака) удивлялся всему. Он так воспринимал действительность. Ясное утро – радость. Небо в кудрявых облаках – удивление. Принесли пенсию – удача и восхищение.

И во всякой малости – благодарность.

– Рыбка мелкая, а ловить трудно, – пояснил уже для меня.

Из воды (за петельку) он вынул пруттик, на котором, сквозь жабры, висели ещё несколько рыбёшек. Привесил только что пойманную добычу. За процедурой внимательно наблюдала кошка: она подошла и сосчитала улов... так мне показалось.

– Если поймаю много, – продолжил Эдуард Ляликович, – сварю уху. А если мало – отдам кошке.

Вот оно что! Имеет место конфликт: у рыбака и у кошки разные интересы.

Мне захотелось улыбнуться. (Обычно я стараюсь этого не делать с новыми знакомыми. Можно обидеть человека.)

– Это тактически неверно, – высказалась. – У вашего единственного зрителя, – показала на кошку, – и у вас противоположные задачи. Вы хотите поймать побольше, а она мечтает, чтоб клёв прекратился.

– Ну что вы! – Эдуард Ляликович улыбнулся (вместо меня... точнее, за нас обоих). – Кошка мечтает, чтобы я поймал очень много. Тогда хватит мне и ей.

Вода ослепительно бликовала. Сияла, переливалась, плескалась, будто навстречу мне катилось бесчисленное множество золотых шариков. Возникло естественное желание сбросить одежду и нырнуть в это "прохладное золото". Взамен этого я спросила:

– А как зовут кошку?

– Кошку? – удивился рыбак. – Ну, как же... Кошка.

– Понятно.

Имени у кошки отсутствовало.

– Скажите хотя бы это кошка или кот? Он или она?

Эдуард Ляликович повёл плечами:

– Вы знаете... не имею представления. Когда умерла Люда, это моя жена, мне стало одиноко... не столько даже одиноко, сколько непривычно. Мы прожили вместе тридцать пять лет, и я никогда не был один. Ни одной секунды. И вдруг пустой дом, тишина аж в ушах звенит. Я испытывал... беспокойство, тревогу – всё вместе. Дискомфорт. Потом появилась кошка. Пришла как-то утром... или вечером – не помню точно. Я не звал её и не приглашал, – Эдуард Ляликович посмотрел на свою рыжую спутницу, будто видел в первый раз. – А она вот... прижилась. Притом очень легко прижилась, и тогда я подумал о... – он покрутил удилищем, стараясь подобрать слово. – Что вы думаете о переселении душ?

– Не верю.

Мой ответ рыбака... нахохлил.

– Как вы категоричны! – Канотье сдвинулось на затылок. – Завидую. Нет, правда, искренно завидую вашей уверенности. А я порой задумываюсь над этими... над своими теологическими сомнениями. Учтите, профессия требует моего полного идейного материализма. – Рыбак искрился глазами. – Я учитель физики, в средней школе. Был в прошлом. Ныне я пенсионер.

– И что смущает ваш убеждённый материализм?

– В первую очередь дети. Ученики. Учю их, учю. Как это говорят, отправляю во взрослую жизнь. А через двадцать лет возникает из вселенского хаоса этакий ушастый карапет – точная копия своих родителей, хлопает глазами и требует, чтоб я начинал свою работу с начала.

Эдуард Ляликович говорил "учю", а не "учил", я поняла, что он недавно вышел на пенсию. Старик показался мне ужасно симпатичным, как актёр Тихонов в период своих первых фильмов. Тогда он ещё не был старым, и его гримировали под пожилого. Старость отбирает у человека жизненную энергию (в первую очередь), а тут получался парадокс: внешне стрик, а внутри молодой красавец Тихонов.

В голове мелькнула "отчаянная" мысль:

– Вы далеко живёте?

Он ответил метким вопросом:

– Хотите напроситься на постой?

– Существует такое желание. А как вы догадались?

Эдуард Ляликович поведал, что увлёкся творчеством Агаты Кристи: "Во многом, это ерунда. Я говорю о предложенной методе раскрытия преступлений. Невозможно определить виновного по пробке от крема или по осколку чашки. Почему? Математически невероятно. Слишком много допущений и велика погрешность, для настоящего учёного. Однако кое-что я ухватил из детективов..."

В глазах опять засверкали искорки:

– Послушайте цепочку моих мыслей: вы – молодая красивая девушка, в дорожном костюме. В руках походная сумка. Какой делаем вывод?

– Какой?

– Однозначный! Командировочная. – Он развёл руками: – Для отдыха и туризма наш городок слишком малоинтересен. Он страдает эмоциональной бледностью. Потерялся на теле Планеты.

Мне страстно хотелось согласиться. Но я не могла:

"Ничего себе потерялся! – думала я. – После моей статьи об Илавецке заговорят по всей России".

Физик-пенсионер продолжал:

– Хотите, я угадаю вашу профессию? А если расстараясь, скажу, зачем вы приехали.

Это становилось забавным.

– Попробуйте, – согласилась я. – Постарайтесь угадать и первое и второе.

Он пристально осмотрел мою внешность, заявил, что угадывать ничего не собирается. Методу Агаты Кристи он обогатил научными процедурами: "В этом суть дедуктивного исследования".

Через минуту Эдуард Ляликович проговорил:

– Вы – напористая, нагловатая... только не обижайтесь... это даже неплохо, ибо эти качества не закалились в вас. Не стали основой характера. Вы способны чувствовать и сочувствовать, поэтому ваша экспансивность не наносит ущерба окружающим. Мягкость и острота – вот ваши козыри, если говорить двумя словами.

Затем детектив попросил мою руку. Я подала (переживая некоторую робость).

Он осмотрел ладонь с двух сторон и даже понюхал.

– Особых отметин на руках нет. Значит вы не швея, и не учительница, и не продавец билетов в драматическом театре... и не торгуете рыбой на рынке. Запах рыбы трудно вывести. Получается, – Эдуард Ляликович гордо выпрямился, – вы инспектор дошкольных учреждений. Приехали провести ревизию в столовых.

Здесь я не удержалась и прыснула в кулак. Извинилась: "Простите... я... того", быстро отвернулась. Мой Пинкертон радостно переспросил:

– Я прав? Угадал? А?

– Почти на сто процентов, – согласилась я. – Вы ясновидящий. Хотя и учили детей физике.

– Тогда пойдёмте! Я покажу вам своё жилище.

Он взял мою сумку, я достала из реки пойманную рыбу. Кошка взволновалась. Посмотрела подозрительно и придиричиво, однако ничего не произнесла, вероятно, поверив в мою честность.

Эдуард Ляликович окончательно представился, сказал, что его фамилия Салазкин. Я произнесла свою фамилию. Мы пожали друг другу руки, официальным (для честных людей) образом затвердив наше знакомство.

Идти пришлось недолго.

Салазкин жил в деревянном одноэтажном домике у самой реки. Как я поняла, большая часть жителей Илавецка проживала именно в таких домах. Официально эти "одноэтажные субтропические пампасы" назывались частным сектором.

Пока мы шли, Салазкин рассказывал историю города (корень Илавецка уходил глубоко в историю, однако не расширялся и не ветвился, оставаясь тоненькой ниточкой-жилкой). В какой-то момент (практически на полуслове) мой спутник замолчал, сделал мне знак глазами и даже приложил палец к губам, намекая на режим молчания.

Я притихла.

Мы двигались по тротуару вдоль забора. На лавочке (между забором и вишнёвой аллеей) пребывал в забытии старик. Нельзя сказать, что он сидел, поскольку большая часть его сидища размещалась вне лавочки, однако... На трость он положил ладони, на ладони – голову. Дремал.

Эдуард Ляликович смял лицо в сложной гримасе и ещё раз показал на губы. Придвинулся к калитке (мы пришли), осторожно приподнял щеколду...

Наши ухищрения оказались напрасны.

– А я не сплю, – заявил старик и поднял цыплячью голову. – Думаю. Размышляю.

Эдуард Ляликович сделал рукою жест, каким приглашают к столу:

– Знакомьтесь, Женечка. Сахарный Демьян Захарович, собственной персоной. А это – Евгения Фролова. Прошу любить и жаловать.

Дед встрепенулся:

– Уж не Зинки ли Фроловой дочка? – по-бабьи всплеснул руками.

– Нет, я не здешняя.

– Слава богу! А я-то спугался, бо за алиментами явилась не запылилась, – дед подмигнул и столкнул кепку на затылок.

"Ух ты! Герой! – подумала я. – Двухсотлетний Казанова".

В доме было прохладно и чуть влажно, как бывает только в деревянных домах. Ветер играл занавесками. Звонко с упоением стрекотал кузнечик. Кошка прошла в зал и села в самом центре комнаты. Она была здесь хозяйкой, а потому принимала гостей. По стенам висели фотографии. В основном чёрно-белые: семейные, школьные, – я прошла вдоль галереи, – изредка попадались портреты. Дореволюционные сепии: бравый казак восседает на стуле, за его спиной интеллигентный юноша – сжимает в руках гимназическую фуражку.

– Это мой отец, – подсказал Эдуард Ляликович. – А это дядя. Дядя погиб в Гражданскую. Вот в высшей степени интересный снимок – мой последний выпуск. Бравые ребята, и девчонки подстать. А это мама в юности. Вот Люда... сарафан в горошек. Хорошая фотография, правда? Люда здесь очень сама себе нравится. Такие эмоции протекают из снимка. Вы замечали?

Признаться, я позавидовала этому дому. Тому, что он такой... спокойный и ладный, что у него есть хозяин и хозяйка. Пусть даже хозяйка – кошка.

Не хватало только детей. Визга, плача, смеха, беготни и стиранных пелёнок на бесконечной бельевой верёвке. Такие верёвки подпирают палкой, чтобы бельё не волочилось по земле.

Будто услышав мои мысли, Эдуард Ляликович открыл альбом, вынул две фотографии. Юноша и девушка. Внизу подпись: Слава и Юлия.

– Мои. Они теперь совсем выросли, в Ленинград переехали. Там строят свою жизнь.

Красивое выражение: "Строить жизнь", в нём есть надежда и едва заметный обман. Обман в иллюзорном могуществе человека. На самом деле, это жизнь строит людей. Время рождает своих героев, время их топит (когда надоедают). Как слепых котят. Притом их же руками. Маяковский застрелился, Лиля Брик дожила до старости. До девяноста (кажется) лет. Умирала забытая и заброшенная, точно бестолковая ненужная кукла. Невольно задумаешься, какой вариант гуманнее?

Я оставила в комнате вещи, переделалась, сходила в душ. На краткий миг лень завладела моей душой – расхотелось куда бы то ни было идти, бежать, разбираться... копаться в людских пороках. Захотелось завалиться на скрипящую койку, взять детектив и читать-читать... поглядывая на сирень за окном. Вдыхать аромат и пропускать нудные страницы.

Потом сварить из пескариков уху, накормить хозяина и его кошку. Смотреть, как они едят и думать (скрывая гордость) что такой вкусной ухи они никогда не пробовали.

*

Сахарный Дед – так я прозвала нашего соседа, – присутствовал на прежнем месте. Лишь только я вышла за калитку, он нахохлился и поманил меня пальцем. Смотрел лукаво с тенденцией к хитро. Я даже испугалась, что старый хрыч начнёт меня кадрить. Что я буду делать? Драпать? Или драться?

К удаче, опасения не оправдались. Дед заговорил "о высоком". Притом начал с подводки:
– Ты девка видная, титястая, дай бог тебе здоровья...

Я нейтрально кивнула. Не соглашаясь официально, но и не отрицая очевидного.

– Ты мне растолкуй, – продолжил дед и кивнул на лавку. Я присела, готовая к старту в любую секунду. – Евгения, это как по-нашему будет?

– Женя.

– А-а! – он обрадовался. – Генька! Была у меня одна Генька в пиисят четвёртом. Огонь, а не баба. С юбки выпрыгивала, так у ей жгло.

– Я тороплюсь, дедушка.

– Одну минуту, – Сахарный Дед сделался серьёзным. – Вот смотри. Ситуация. Допустим, я помру. – Он произнёс это с вопросительной интонацией, будто у него был шанс на вечную жизнь: может помру, а может не помру. Пятьдесят на пятьдесят. Или тридцать на семьдесят. – Допустим, попаду в рай. Можем же мы такое допустить?

– Можем, – согласилась я.

"Хотя вряд ли, – подумала. – Слишком шустёр".

– В раю Толик Копытин, – выговорил дед.

Замолчал.

– И? – подбодрила я.

– А я его терпеть не могу! Просто до икоты не перевариваю! Что мне делать в таком разии?

Я задумалась: "Дела! Божьи одуванчики рай поделить не могут. Будто это туалет в коммунальной квартире".

– Во-первых, вам рано об этом думать. Во-вторых, где гарантии, что Толик Копытин в раю? Может быть, его там нет.

– Есть, – Сахарный Дед почесал в седалище. – Толька точно там. Он всю жизнь праведником прожил, сволочь. Это у меня путёвка под сомнением. Есть на моём счету... грешочки. Я вон и заборчик вокруг церкви починил. Покрасил за свои деньги. Как тебе оттенок?

Я оглянулась, пригляделась. В конце улицы выглядывала церковь (большей частью – звонница, над деревьями). Виднелся погост, уходящий за холм, облупившиеся врата. Заборчик был выкрашен типовой синей краской – кобальт светлый синий. Разведён в пропорции один к... трём.

– Очень красиво, – одобрила я.

– Как думаешь, зачтётся?

– Вне сомнений! Светлое будущее приблизилось на один пункт!

На этой оптимистической ноте мы распрощались. В последний миг, каким-то неуловимым движением дед-таки цапнул меня за ягодицу – ущипнул. Я погрозила кулаком, и поняла, что... рай Сахарному не светит. Нутро и опыт не пропёшь, чёрного котёнка не отмоешь добела. А этот столетний сахарок большой мастак до женского пола.

Факт.

*

Светлана Насонова была прописана по Большому Сливовому переулку, дом двадцать три. Квартира номер семь. Третий подъезд, третий этаж, как в "Бриллиантовой руке". Или там был четвёртый подъезд? Не припомню.

Дом окружили яблони. Причём со всех сторон, будто строение возвели на полянке в сказочном саду. Строители-гномы суетились с маленькими вёдрами и кирками, укладывали кирпичики в красных колпачках... Гномы в колпачках, а не кирпичики... Шучу.

Я подумала, что здесь особенно волшебной ранней весной, когда ударяет цвет. Тогда аромат – до одури. Воздух кажется вязким и густым. В распахнутые окна втекает любовь... любовь в чистом яблочном виде. От этого души обнажаются, становятся нежнее. Люди чутче чувствуют друг друга.

Третий этаж, седьмая дверь. Ватная пухлость дерматина, фигурные гвоздики, натянутые медные шнуры, имитирующие роскошь.

Позвонила.

Тишина.

Прислушалась: льётся вода... кажется. Во всяком случае, бытовые звуки присутствуют.

Позвонила ещё раз.

Из-за двери проявился голос:

– Вовка, это ты? – кричала женщина. – Входи уже! Не заперто! Я волосы сушу.

"Волосы это похвально, – мысленно согласилась я. – Вот только я не Вовка... и не Толька". Рифма покаталась на языке: Только я не Толька.

Ещё раз надавила на пипочку. Продолжительнее. Дама за дверью чертыхнулась (не обременяясь литературностью); по коридору прошаркали тапки. Дверь распахнулась мгновенно и во всю ширину, точно дамбу сорвали с петель.

– Вов... – девушка осеклась, увидев на пороге меня. Опешила... но только на мгновение. Обежала мою фигуру практичными глазами. Спросила (с упоительным провинциальным нахальством):

– Тебе чего?

– Здравствуйте! – вежливо ответила я.

"Сходу ударить в нос? Или показать удостоверение?.. – затруднилась. – Вот в чём вопрос..."

Почему-то на хамоватых людей очень благоприятно действуют мои бордовые с золотым тиснением корочки. Причём, я заметила, не столько своим содержанием – должностью журналиста, в сущности, рядовая, обычная, – сколько самим фактом существования: О-го! Удостоверение! Символ власти!

Хамоватые люди катастрофически обожают власть. И всё, что с нею связано. Вероятно потому, что власть оправдывает хамство.

Я показала удостоверение. Жест чуть ленивый и небрежный. Сева Усольцев называет это движение: "Накось выкуси, упырь!"

Корочки сработали. Безоговорочно.

Пока девушка читала мою фамилию, я откровенно разглядывала её интерфейс: круглое милое личико, полные губы, маленький нос... картошкой (как у артиста Пуговкина, только аккуратнее). Очевидный пушок над верхней губой – значит, темпераментна в койке. Полные белые ноги с красивыми ровными коленями. Приемлемая грудь.

"Интересно, что бы сказал по этому поводу Сахарный Дед? – мелькнул вопрос. – Как бы охарактеризовал типаж? Молодая купчиха? Или аппетитные прелести?"

Плюс выдающихся размеров "корма". Мечта фитнес-тренера.

Почему мечта? Потому что, такой зад привести в форму стоит больших усилий. А ещё необходимо заплатить уйму денег. И много часов провести в спортивном зале.

Поверх голого тела – шелковый халат с кровавыми георгинами и золотыми вензелями.

"Вот она... провинциальная непосредственная красота – всё на показ, всё в десять раз ярче, чем нужно. Хочется воскликнуть (словно фотографу): Остановись мгновение! Ты и так молода, свежа и прекрасна! Удали эту мерзкую помаду. Смой тени. Избавься от накладных ресниц. Позволь природе быть!"

– Могу я поговорить со Светланой? – спросила я ровным тоном.

– Ланка уехала, – ответила девушка.

Мне показалось, она огорчилась. Пояснила:

– К тётке в деревню. На три дня.

– Вот как?

Оказывается, это ещё не край света. Земной шар продолжается дальше, существует деревня (за тридевять земель), где живет водяной, леший, где расквартировали группу гражданских ведьм (на период увольнительной) и где обитает тётка Насониха.

– Как неприятно, – проговорила я. – Я на такое не рассчитывала... а впрочем... может быть вы мне поможете?

– Конечно помогу, – уверенно ответила девушка. – Меня зовут Карина.

Она протянула руку.

– А фамилия?

– Ломова.

– Очень приятно! – я с чувством пожала ладошку.

– Зайдёте?

– Если позволите.

На кухне было уютно. Занавески с рюшечками, карамельки в хрустальной вазочке. На плите домовито пошумывал расписной чайник, намекая, что он произошел от дровяного самовара. Чашка с мёдом на столе... утопленница муха – святая мученица. В стеклянной вазе на подоконнике – роскошный букет сирени. Развалился тяжелыми бесстыдными гроздьями.

Я подумала, что это Девчачий рай. И ещё, что хорошо бы сюда запустить матёрого художника. Здесь присутствуют сюжеты.

– Вовка принёс? – спросила я, кивнув на цветы.

Щёки Карины порозовели:

– Ага. Заходит иногда, мракобес. Женихается.

Помолчали.

Я задумалась, как построить разговор. По лицу девушки пробежала ревностная тень: К чему прозвучал мой вопрос? Чего это я удумала? Уж не собираюсь ли положить глаз на её счастье? На любимого мракобеса?

... Вот так. Оказывается даже "Вовка из тридевятого царства" представляет ценность для кого-то. Будто этого добра не хватает в природе...

Потом Карина решила, что я слишком... "Модная ути-пути!" – по её лицу можно было читать, как по книге. Значит, опасности нет. Морщинка разгладилась.

Я уточнила:

– Вы вдвоём здесь живёте?

Она кивнула. Настойчиво повторила вопрос:

– А вы зачем пришли?

Какая милая девушка! Не та ли это простота, что хуже воровства?

Я ответила, что хочу разобраться в происшествии. Понять. И написать статью. Карина отвернулась, посмотрела в окно. Как бы отстранилась. Мне этот жест показался странным.

"В сущности, я на их стороне... на стороне потерпевшей... почему штыки?"

– Расскажите про Светлану. Где она работает?

– В Центральном Доме Мод.

– Швея?

– Что это швея? – огорчилась Карина. – Совсем даже не швея. Это я швея. При том, не швея, а портниха. У меня второй разряд. Я могу вам такую брючную пару могу сострогать – закачаетесь... в Москве так не умеют!

– А Света?

– Лана ведёт шоу. Она – актриса. Иногда она сама участвует в показах. Если модель особо нравится.

"Понятно. Девушка тянется к прекрасному. Ценит красивое. И дорогое".

Я вдруг поймала себя на мысли, что предвзято отношусь к Насоновой. С чего бы это? Быть может из-за "Ланы" – мне не нравится это сокращение. В нём звучит нечто натянуто-пафосное. Лукавое. Назвали тебя родители Светой – будь ей. Услышь прекрасное в простом созвучии: Свет-лана! Светлая.

Нет, нужно отбросить Свет опуститься до пошлого американизма: Лана.

Или я нервничаю из-за "скрытой угрозы" – напряженного состояния Карины?

Или из-за нелепостей происходящего? Тут, правда, есть из-за чего волноваться.

– Расскажите, как это произошло? – попросила я. – Преступление. Я говорю об...

Карина кивнула, давая понять, что сообразила.

– Да как это бывает? – развела руками. – Как у всех. Кобель он и есть кобель. Глаза водярой залил и полез...

– А если с самого начала? – перебила я. – Подробно.

– Они на речку поехали. Всем кагалом. Клёновы Ирка с Сергеем, Маринка Игнатъева со своим новым... хахалем. Представляете дурицу: два раза за мужем была и опять нашла себе клоуна!

– В каком смысле?

– В прямом смысле. Как шпала. Он в цирке выступает. Я ей говорю, опомнись, дура! Ну, как уедет цирк, что делать будешь? Горевать?

Неожиданно и очень красиво Карина пропела:

– Куда уехал цирк? Он был ещё вчера. И ветер не успел, со стен сорвать афиши...

Я невольно поглядела на радиоприёмник: "Таким голосом можно петь по радио".

Не спрашивая согласия, Карина вынула из буфета чашки, плеснула чаю, выловила из мёда муху (ни мало не тушуясь её присутствием), подвинула мне миску.

– А она отвечает: "Мне наплевать. У нас любовь". Вот так. Нет, ну не бестолочь? Как вы считаете?

Я автоматически выразила своё глубокое сопереживание. И согласие, что Маринка Игнатъева – дура набитая.

Отстраняясь, должна признаться, что провинция оказалась совсем иной, не такой, как я её себе представляла. Жизнь здесь текла по другим законам. Шире, глубже и... непредсказуемей (простят мне редакторы такое слово). В Илаветске говорили по-русски, и кириллицу пользовали в качестве алфавита, но мысли в головах крутились другие. И чувства... и эмоции...

"Обстановка накаляется! – взбодрила себя. – Чем сложнее задание, тем почётнее приз. Держись мать, дальше будет хуже... или лучше?"

На лучшее рассчитывать не приходилось.

– Я тоже должна была ехать. – Карина развернула карамельку, сунула за щёку.

Девушка подняла на меня глаза. Теперь свет из окна падал на Карину прямо. Я удивилась, какие они красивые. Большие, ясные, чуть наивные.

– Только не смогла отпроситься. Директриса дежурить оставила... зараза. Я ей говорю, в другой раз отдежурю, Татьяна Станиславовна! Вы ж меня знаете! Нет, упёрлась...

– А Светлана?

– А Ланка поехала.

Карина упорно называла подругу Ланой. Я даже заподозрила, что сама она вовсе не Карина: "Откуда в России Карины?" Сева Усольцев ответил бы: "От сырости".

– Ну и этот козёл с ними... кабачок переросший.

– Кого вы имеете в виду? – спросила я и тут же махнула рукой: "Поняла!"

– Речка далеко? – уточнила.

– Какое там! Два поворота плюс километр.

Я заметила, что она помрачнела. Тербила в руках фантик, пальцы подрагивали. "Волнуется".

– Что было дальше?

Девушка отреагировала бурно:

– Что было, что было! – воскликнула. Швырнула бумажку в мусорное ведро. – Напился этот козёл, как скотина и... насильничал. Сволочь! Гад! Вы бы видели, какие у неё синяки остались. Всё тело чёрное. На руках, на бёдрах пятна. На горле пятерня отпечаталась – душил её, сволочь. На затылке шишка с кулак, бил головой о камни...

Поток иссяк. Будто оборвался.

Я сидела молча, пришибленная всплеском эмоций.

– И ведь, главное, не посадили мерзавца! – дополнила Карина. – Сунул в милиции взятку. Мохнатую лапу имеет... всегда такие откупаются.

– Да...

Я вздрогнула от звука собственного голоса, будто облитая холодной водой. Представила, как мужик наваливается, давит всем телом, бьёт головой о камни, душил. Дыхание перехватило, пробежали мурашки, кожа на затылке заледенела.

"Сдохну, а добьюсь правосудия! Посажу этого... недочеловека".

*

В китайском языке присутствует определение: лаовай. Этим словом китайцы помечают иностранцев.

Поскольку слово для европейского уха благозвучное, долгое время оно воспринималось, как... уважительное. Я говорю о временах, когда Китай "открывался" Миру. Во всяком случае, оно казалось приличным. Голландский посол был лаоваем, английский лаовай, португальский... В бумагах, отправляемых королям-императорам писалось: "Дикари сих далёких мест лица имеют лукавые; они необразованы и молитвы относят к различным идолам и буддам. Письменность имеют убогую, ибо букв и символов не понимают, рисуют знаки, напоминающие клинопись. Однако к просвещению тянутся, обучаемы, и трепет в душах имеют (несмотря на уверение Франциска IV что душ туземцы лишены и царства Господня достигнуть не имеют возможности). Всякого взрослого европейца китайцы учтиво величают лаоваем и кланяются".

... Не отвечаю за точность цитирования, передаю суть.

Много позже (китайский язык труден для обучения, плюс китайцы скрытны) выяснилось, что слово "лаовай" имеет исключительно уничижительный оттенок. Если отбросить политесы и корректность, китайцы называли иностранцев недочеловеками. А чего? Есть логика: языка не знают, моются изредка, бельё меняют ещё реже... и чаю не пьют.

Недочеловеки.

Я шла – точнее летела над улицами Илавецка, – как птица и думала, что...

"Что это за скотство такое?! Двадцать первый век на дворе! Все более или менее устроены, никто не голодает, не замерзает в подворотне, как в Великую Отечественную... Почему обязательно нужно быть животным? Почему человек не может жить без грязи? ПОЧЕМУ?!"

Эмоции наполняли меня до краёв, как бутылку с кефиром – до горлышка.

Мало того, что Плотников натворил делов, так он ещё мою веру в людей пограл...

Хотелось схватить этого негодяя за грудки и встряхнуть, так чтобы дух вон! Перевернуть, раз десять... а потом... потом сделать с ним то же самое, что он сотворил с Насоновой!

Унизить! Убить! Изнасиловать!

"Ведь взрослый же человек! Врач! – Я невольно возводила глаза к небесам. – ВРАЧ! Как такому можно доверить жизнь? Его нужно гнать из больницы немедленно! Гнать поганой метлой!"

На бумажке, написанной следователем, был адрес.

Больницу я отыскала довольно быстро. Сталинское двухэтажное здание в форме буквы "П". Три этажа, облупившийся фасад, строительные леса (позабывшие, когда и зачем их поставили). Бюст настырного пионера с горном в руке – памятник жизнелюбию наших отцов и дедов.

У подъезда курил фельдшер (прикрывал сигарку характерным образом – полуприкрытой ладонью, чтобы "вражеский снайпер" не заметил). Поглядывал украдкой на УАЗик скорой помощи, что пригорюнился неподалёку. Мужик он оказался говорливый, на подначку податливый. Рассказал, что приехал "с района", привёз больного. Я попросила прикурить, фельдшер сломал пару спичек, прежде чем "поддал огню". Сказал, что в армии служил артиллеристом.

У него были широкие круглые ногти. Большой и указательный палец прокурены до коричневой добротной желтизны.

Ещё он посетовал, что хорошо бы больного сразу на операцию: "Шибко хворый... его бы сразу на стол... болеет, я те говорю!" Но хирург теперь занят.

Я машинально кивнула, спросила, кто доктор? Фельдшер ответил не сразу, прежде что-то промямлил про долгий путь, про разбитую дорогу. Дескать, ему просто велели ехать – там разберутся. Я поняла, что фамилии он не знает.

Несколько раз глубоко вздохнула, потом задержала дыхание. Чтобы унять сердцебиение медленно выдохнула. Вспомнила старый приём – сосчитать до двадцати. Сосчитала. Не помогло. Сосчитала ещё раз.

Журналист, как судья, должен быть беспристрастен – так я понимаю свою профессию.

"Какая тут к чёрту беспристрастность? – опять "завелась" с полоборота. – Откуда ей взяться, когда такие дела творятся?"

Кабинет Плотникова состоял из двух неравных частей – его разделяла ширма. В большей части стояла кушетка, письменный стол, шкаф с книгами, рядом вешалка для одежды, белый допотопный сейф, огромный, как мамонт. В маленьком переднем кутке сидела девушка в бирюзовом халате, что-то писала. Посмотрела на меня приветливо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.